
ХРОНИКА. ФАКТЫ. ИНФОРМАЦИЯ

Н. Л. Васильев

Оглядываясь назад... (XI и XII Международные бахтинские конференции)

После приостановки издания журнала «Диалог. Карнавал. Хронотоп» (1992—2003), сыгравшего исключительную роль в консолидации усилий ученых разных стран в области изучения «биографии, теоретического наследия и эпохи (!) М. М. Бахтина» последовала пауза, которую отчасти заполняли разнообразные коллективные проекты как периодического, так и не периодического характера, претенциозные и не очень¹.

Учитывая сложившуюся в ДКХ традицию обзоров интернациональных «бахтинских» мероприятий², уместно вспомнить о состоявшихся в этом временном промежутке двух крупных международных конференциях — в Бразилии и Финляндии, предшествовавших последней по времени — в Канаде (см. отдельную статью).

XI Международная Бахтинская конференция в Бразилии (г. Куритиба, 21 — 25 июля 2003 г.)

На этот раз участников разговора о творчестве мыслителя, с именем которого связывается представление о «карнавальности» в искусстве, принимала родина самого знаменитого в мире карнавала...

Выбор очередной страны-организатора диктовался как культурологическими, так и тактическими соображениями.

Идеи Бахтина и круга его друзей, соавторов — В. Н. Волошина, П. Н. Медведева, И. И. Канаева, Л. В. Пумпянского и др. — вслед за европейскими, североамериканскими и отдельными азиатскими странами (Япония, Китай, Вьетнам), постепенно овладевают умами представителей науки в других регионах мира. В Бразилии, как показала минувшая конференция, сложился едва ли не культ Бахтина. Этому способствуют, в частности, активные информационные, литературно-издательские и дружеские контакты южноамериканских философов, филологов, культурологов, психологов, педагогов с коллегами из других стран. Многие работы Бахтина и его друзей уже переведены на испанский и португальский языки. О бахтинском буме в Бразилии свидетельствуют и разнообразные труды, посвященные наследию ученого, изданные исследователями как самой Латинской Америки, так и переведенные ими с других языков.

Непосредственным организатором конференции стал Федеральный университет юго-восточного бразильского штата Парана, столицей которого является двухмиллионный город Куритиба, претендующий на неофициальное звание интеллектуального центра своей страны... Деятельностью оргкомитета конференции руководил профессор местного университета Карлос Альберто Фарако, чья энергия, пунктуальность и личностное обаяние немало способствовали успешному проведению ответственного и трудоемкого мероприятия.

В программе конференции были представлены доклады 184 ученых из 19 стран — Аргентины, Белоруссии, Бразилии, Великобритании, Канады, Колумбии, Мексики, Нидерландов, Перу, Польши, Пуэрто-Рико, России, Сербии, Словении, США, Финляндии, Франции, ЮАР, Японии. Преобладали, естественно, представители Латинской Америки, из других стран — США, Канады и особенно Великобритании, где создан Бахтинский научно-учебный центр, базирующийся в г. Шеффилде.

Рабочими языками конференции являлись португальский, испанский, английский и русский. В основном ее участники группировались на тех, кто владел одним из близкородственных латиноамериканских языков, и тех, кто говорил или

понимал по-английски. Соответствующим образом строилась и программа конференции. Синхронные переводы делались лишь во время пленарных выступлений.

Из России и постсоветского пространства в лице Белоруссии было заявлено в общей сложности 7 докладов. В реальности же в конференции участвовали двое — Н. А. Паньков (Москва) и автор этих строк, представлявший г. Саранск. Первый как главный редактор международного бахтинского журнала «Диалог. Карнавал. Хронотоп» получил грант на поездку со стороны организаторов конференции; второй — со стороны РГНФ.

Н. А. Паньков выступил на одном из пленарных заседаний с докладом «Терракотовые фигурки и проблема античного реализма: “Рабле” Михаила Бахтина в контексте русской науки конца XIX—начала XX веков», в котором попытался ответить на вопрос, в какой мере малая античная скульптура могла оказать воздействие на создателя теории гротескного реализма. Второй российский участник прочитал, также на русском языке (с вкраплениями португальского и английского), доклад по давно волнующей его теме «История вопроса об авторстве “спорных текстов” в российской бахтинистике (М. М. Бахтин и его соавторы)». Доклад планировался на русскоязычной секции, но по иронии судьбы его слушателями оказались лишь иностранные участники. Это не помешало живому обсуждению услышанного, причем главным образом на русском языке... Прозвучало также заочное выступление И. Л. Поповой (Москва), доклад которой («Философия карнавала Бахтина сквозь историю ее основных понятий») был прочитан Г. Тихановым (Великобритания).

Кажется, впервые за последние годы родина Бахтина и русский язык были представлены на подобных мероприятиях так скудно... Реноме «великого и могучего» в известной мере спасли иностранные участники, многие из которых в разной степени владели русским языком и использовали его при обсуждении выступлений российских коллег и в кулуарных беседах. Назовем их поименно: британцы Д. Шепперд, К. Брэндиш и Г. Тиханов; финны М. Ляхтеэньяки и Т. Лайне, поляки Б. Жилко

и М. Броки, словенец М. Яворник, японец Т. Йокота-Мураками, бразильский переводчик Бахтина и Достоевского П. Безерра, мексиканка русского происхождения Т. Бубнова... К слову говоря, были и другие приятные сюрпризы на фоне гнетущей славянской «немоты», например появление на конференции аспирантки Куритибского университета И. Старостиной, спонтанный русский язык ее бразильских студентов, работавших в аппарате конференции, «архетипическая» русская речь профессора местного университета Г. Фрам, мама которой белоруска по происхождению.

Проблематика докладов остальных участников была достаточно пестрой. Бахтинские мотивы увязывались как с традиционными науками — филологией, литературоведением, лингвистикой, психологией, педагогикой, так и новыми, междисциплинарными — культурологией, семиотикой. К минимуму на этот раз были сведены доклады, затрагивающие биографические аспекты Бахтина и его окружения, характерные для российских конференций.

К сожалению, мой уровень владения английским, а тем более испанским и португальским языками, не позволил в полной мере оценить содержательные стороны прослушанных выступлений. Запомнилось, в частности, необычное сообщение одного из старожилов подобных мероприятий и их историографа — К. Томсона (Канада), сделанное им от имени еще двух его коллег (Э. Уолла и М. Гайдуковски-Ахмед): «Два десятилетия Бахтинских международных конференций». Оно стало в чем-то знаковым. Докладчик продемонстрировал в строгом хронологическом порядке видеоряд фотографий, изображавших те или иные эпизоды — в основном дружески-неофициальные — предшествующих Бахтинских конференций, а также издания их материалов. С интересом воспринимались лица знакомых людей в их более ранней «редакции», многие из которых присутствовали в этот момент в зале... Однако не оставляло впечатление, что «доклад» фактически подводит черту под серьезным восприятием самого мероприятия, пародирует многолетнюю официальность подобных форумов с помощью карнавального шествия полуозорных видео-хронотопов. (Надо

сказать, что незадолго до этого мне пришлось делиться с отдельными участниками конференции грустно-ироническими размышлениями о том, что пик романтического интереса к Бахтину прошел, накопилась некоторая усталость за те 20 лет, которые связывались с интенсивным обсуждением его идей и пора бы зрелым мужам от науки оставить это занятие на откуп более молодым исследователям, и может быть именно латиноамериканским...)

Также неожиданным и, не скрою, приятным для меня, как биографа В. Н. Волошинова, явлением стало повышенное внимание к трудам этого ученого, причем персонализированным именно его именем... В этой связи нужно упомянуть по крайней мере о трех докладах: «Волошинов — искренний гумбольдтианец?» (К.-А. Фарако), «О критике Волошиновым Соссюра» (М.Л. яхтеэньяки), «Круг Бахтина и конфигурация советских гуманитарных наук в 1920-х гг.: Волошинов, Медведев и ИЛЯЗВ» (Р. Вохан-Вильямс). Совпадение моих научных пристрастий с интересами бразильского лингвиста, причем координатора конференции, с которым я не был знаком до этого, показалось мне едва ли не мистическим... Теперь о Волошинове как о самодостаточном филологе стали писать, в частности, и в Латинской Америке.

Вообще в программе бразильской конференции масштабно обращали на себя внимание лингвистические доклады, чего ранее не наблюдалось: «Почему (бы) не металингвистика?» (Ж.-Т. Соуза), «Бахтин и Бенвенист (В.-Л. Пирес), «Бахтин, марризм и социоллингвистика культурной революции» (К. Брэндист), «Некоторые проблемные аспекты коммуникативной (addressive) функции языка в диалогической перспективе» (А.-М. Олива), «Сакральное и обыденное: внимание к языку у Бахтина, Беньямина, Бубера и Витгенштейна» (К.Хиршкоп), «Феноменологии языка у Бахтина и Мерло-Понти» (Т. Херрик), «Бахтин и Соссюр — преодоление противостояния» (Б. Даллари) и др. Соответственно меньшей, чем раньше, выглядела доля выступлений, посвященных литературоведческим и философским аспектам бахтинских и парабахтинских трудов.

Назову темы некоторых других докладов, заявленных

на конференции, — чтобы дать представление о проблемном спектре внимания к наследию Бахтина и тенденциях бахтиноведения: «Бахтин против русских формалистов: контрасты и сравнения» (М. да П.-М. де Са), «Бахтинский персонализм и современная ортодоксальная теология личности» (М. Пирен), «Герменевтика и социология между Германией и Россией: импликации для понимания бахтинской теории культуры и романа» (Г. Тиханов), «Бахтин и американская антропология» (Т. Бубнова), «Об эстетике бахтинской рецепции: эволюция или неизменность?» (Э. Уолл), «Роль сатирической мениппеи в развитии романа» (Дж. Альказар), «Теория и практика диалога в понимании Михаила Бахтина» (М.-М. Фуртадо), «Проблема культуры и жизни в ранней философии Михаила Бахтина» (Б. Жилко), «Бахтин и Флобер: соблазн культурной истории» (Д. Шепперд), «Бахтинская теория диалогизма и проблематика идентичной политики» (Т. Йокота-Мураками), Самыми популярными терминами, фигурировавшими в выступлениях, являлись диалог и диалогизм...

Конференция была прекрасно организована — как в плане ее научной инфраструктуры, так и на бытовом уровне. Действия оргкомитета отличались деловитостью, четкостью и необыкновенной доброжелательностью по отношению к гостям. Очень выразительной и по-своему знаковой оказалась атрибутика, XI Международной Бахтинской конференции, в частности символика земного шара, на котором на разных языках было вписано имя русского ученого...

Участники конференции имели возможность ознакомиться с новыми работами о Бахтине и его идеях, их конкретной рецепции в тех или иных отраслях знания и т.д. На выставке научной литературы в помещении, где проходила конференция, были представлены сотни изданий на разных языках мира, прежде всего, конечно, португальском и испанском. Нам приходилось там видеть, в частности, перевод на португальский язык книги исследовательницы из США К.Эмерсон «Первое столетие Михаила Бахтина» (Принстон, 1998), монографию К. Брэндишта «Бахтинский круг: Философия, культура и политика» (Лондон, 2002), книгу К.-А. Фарако «Речь и диалог: лингвис-

тические идеи круга Бахтина» (Куритиба, 2003), презентация которой состоялась в рамках программы конференции.

Конференция, несомненно, способствовала укреплению связей ученых-русистов разных стран, активизации внимания к России, ее прошлому и настоящему. Разговор о Бахтине нередко перерастал границы собственно бахтиноведения и касался творчества русских классиков, истории советской лингвистики, психологии и т. п.

Общим голосованием участников конференции было принято решение о проведении следующего подобного мероприятия в 2005 г. уже на европейском континенте — в Финляндии.

Программа XI Международной Бахтинской конференции была отражена на интернетовском сайте (<http://www.ufpr.br/bakhtin>), где размещались и тезисы заявленных выступлений ее участников, что давало возможность предварительного ознакомления с основными положениями докладчиков. В печатном виде материалы конференции были опубликованы лишь частично — в переводе на португальский язык³, однако организаторы тиражировали все сделанные сообщения (на языке оригинала) в современном электронном формате⁴.

XII Международная Бахтинская конференция (Финляндия, г. Ювяскюля, 18 — 22 июля 2005 г.)

Незаметно пролетело два года после XI Международной Бахтинской конференции, состоявшейся в Бразилии. И вот новая встреча бахтиноведов всего мира, на этот раз в северном полушарии, недалеко от полярных снегов... Северный хронотоп нисколько не преуменьшил горячего пыла исследователей бахтинского творчества в поисках научных истин.

Конференция была организована Ювяскюльским университетом, в небольшом симпатичном городке срединной Финляндии, отличающимся красивыми ландшафтами, обилием озер, исключительной чистотой среды, неспешной академичностью и спортивной непринужденностью его обитателей. Непосредственным координатором конференции стал научный

сотрудник местного филологического факультета доктор филологии М. Ляхтеэнмяки; почетным председателем оргкомитета — ассоциированный член РАН профессор-литературовед Э. Пеуранен. Сразу же следует отметить, что, благодаря продуманной, значительной по объему подготовительной работе оргкомитета, конференция прошла в спокойной, деловой, теплой атмосфере, насыщенной как интеллектуальными, так и иными общечеловеческими ценностями бытия — от сауны на берегу тихого озера до банкета в ресторане с джазовыми импровизациями интернационального дуэта Э. Уолла (фортепьяно) и М. Ляхтеэнмяки (гитара).

В конференции приняли участие более 90 ученых, переводчиков, преподавателей из 20 стран — Бразилии, Великобритании, Германии, Израиля, Индии, Испании, Италии, Канады, Мексики, Нидерландов, Норвегии, Польши, России, Словении, США, Финляндии, Франции, Швейцарии, Швеции, Японии. Самые многочисленные делегации по традиции представили Великобритания и США, не уступали им на этот раз и российские участники. Среди зарубежных славистов было немало и наших соотечественников, по разным причинам работающих или обучающихся ныне за пределами России, что создавало весьма необычную, пеструю картину гомогенного интернационала...

Россию представляли 11 человек: В. М. Алпатов, С. Г. Бочаров, Н. Л. Васильев, И. А. Есаулов, В. Н. Захаров, В. Л. Махлин, Ю. П. Медведев, Д. А. Медведева, Н. И. Николаев, И. Л. Попова, Г. С. Прохоров.

Рабочими языками конференции являлись английский и русский, последним владели также многие участники из других стран, специализирующиеся в области славистики. Состоявшийся круглый стол, посвященный проблемам будущего бахтинистики как науки (руководитель К. Эмерсон; докладчики — В. Л. Махлин, Г. Тиханов, Д. Шепперд) велся, однако, исключительно на английском языке (без хотя бы краткого синхронного перевода или письменного ознакомления присутствующих с основными тезисами основных выступлений), несмотря на то, что все заявленные на нем ученые в той или иной мере владеют

русским языком. Это лишило возможности многих исследователей оценить веселое остроумие выступавших, вступить в дискуссию — и судьбы бахтиноведения решались главным образом в словесных баталиях иностранных участников...

Предварительная проблематика конференции была позиционирована организаторами так, чтобы максимально избежать балласта «околобахтинских» докладов, чем часто грешат подобные мероприятия, акцентировать эвристическую составляющую выступлений, концентрацию мыслительных усилий на собственно филологических, философских аспектах идей Бахтина, его окружения и других современников ученого. Помимо этого данная конференция отличалась и заметным лингвоцентризмом, вызванным научными интересами и межличностными связями ее главного координатора. Впрочем, подобная тенденция наметилась еще на бразильском форуме бахтиноведов, и, вероятно, носит закономерный характер, нуждающийся в анализе. В связи с этим всё больший вес в прозвучавших докладах обретало, наряду с концептом «бахтинский круг», имя В. Н. Волошинова как автора (или соавтора) книги «Марксизм и философия языка», лет 10 — 15 тому назад находившееся почти в полном забвении. Можно отметить и то, что данная конференция собрала почти всех грандов современной бахтинистики и одновременно много молодых исследователей.

Тон конференции был задан пленарным докладом С. Г. Бочарова «Бахтин как филолог: книга о Достоевском», в котором, в частности, отчетливо прозвучала мысль, что ученый, с чьим именем связывается столько достижений в области литературоведения, все-таки являлся по своей методологии прежде всего философом. Заметим, что участие в конференции столь авторитетного в мире бахтинистики человека, как С. Г. Бочаров, долгое время игнорировавшего подобные мероприятия, было воспринято сообществом его коллег с благодарностью и пониманием, как и экстравагантное заявление исследователя, что он «не принадлежит к числу бахтиноведов», а просто имел счастье быть причастным к судьбе М. М. Бахтина...

Интрига относительно того, кем именно являлся

М. М. Бахтин — филологом или философом (как будто нельзя одновременно выступать в двух этих ипостасях или расширять представление о филологии привнесением в нее философского начала), — поддерживалась в напряжении и другими докладчиками, что имело под собой, кроме прочего, прагматический подтекст: доказать или опровергнуть авторство приписываемых Бахтину «спорных текстов». Так, в докладе И. Л. Поповой «“Лексический карнавал” Франсуа Рабле: книга М. М. Бахтина в контексте научных идей», проводилась мысль, что создателем «Марксизма и философии языка» мог быть только человек, написавший позже 4-ю главу «Проблем поэтики Достоевского» («Слово у Достоевского») и книгу «Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», поскольку во всех данных трудах содержатся следы знакомства автора с работами школы К. Фосслера, в частности Л. Шпитцера. (Получается, таким образом, что в начале оригинальной литературоведческой методологии Бахтина было Слово и он до известной степени оставался даже в своих поздних работах лингвистом.) Услышав такую реплику, подтекст которой выявлял несовпадение взглядов бахтинской группы ИМЛИ, И. Л. Попова достойно ответила, что она против подобного спецификаторства в науке.

Большой интерес, хотя и небольшой аудитории, вызвал своей фактологической и методической новизной доклад В. Н. Захарова «Проблема жанра в “школе” Бахтина (Бахтин, Медведев, Волошинов)», посвященный анализу употребления терминов фабула, сюжет и жанр в трудах ученых бахтинского круга. По словам докладчика, неожиданно для него самого выяснилось, что в отличие, например, от П. Н. Медведева, Бахтин использовал данные термины не в строгом литературоведческом смысле, а скорее в образно-расширительном — и, следовательно, по своему метаязыку являлся больше философом, чем профессиональным филологом. Этим косвенно устанавливается приоритет П. Н. Медведева как основного поставщика литературоведческих идей в дружеском кругу, именуемом ныне бахтинским. (Известно, что Бахтин намного пережил своих друзей, продолжая расти как ученый, в отличие от своих умерших коллег, чье научное становление прервалось в 1930-х гг., но могло

быть не менее блестящим. Данное обстоятельство надо иметь в виду, когда мы невольно сравниваем масштаб личностей участников бахтинского кружка, некорректно соотнося разновременные величины, экстраполируя Бахтина 1960-х в 1920-е гг., а В. Н. Волошинова и П. Н. Медведева, соответственно, в плоскость нынешнего времени.)

Позиционирование последних как достаточно самостоятельных фигур в научной жизни 1920-х гг. отчетливо ощущалось, например, в докладах Н. Л. Васильева. («К текстологии книги В. Н. Волошинова “Марксизм и философия языка”»), В. М. Алпатова («Волошиновская книга в лингвистике XX столетия»), П. Серио («Субъект и социальная психология в книге Волошинова»), И. Агеевой («Полемика В. Н. Волошинова с Ф. де Соссюром в “Марксизме и философии языка”»). Автор этих строк, в частности, обратил внимание слушателей на новые доказательства причастности В. Н. Волошинова к созданию «Марксизма и философия языка», основанные на анализе нормативных требований советской академической науки второй пол. 1920-х. к подготовке аспирантов РАНИОН, а также проанализировал расхождения между первым и вторым изданием указанной книги.

Кульминацией конференции в ее четвертый день стал пленарный доклад Ю. П. Медведева. (с участием Д. А. Медведевой) «Круг Бахтина как мыслительный коллектив», явившийся для большинства присутствовавших участников событием бытия. Докладчик убедительно показал, насколько значительную роль сыграл П. Н. Медведев — самый опытный и авторитетный исследователь из членов бахтинского кружка — в становлении М. М. Бахтина как литературоведа и в его судьбе после ареста в 1928 г. (Напомним, что еще относительно недавно П. Н. Медведеву отводилась скромная роль «ученика» М. М. Бахтина.) Касаясь вопроса о «спорных текстах», выступавший подчеркнул, что причины приписывания рядом ученых авторства книги П. Н. Медведева «Формальный метод в литературоведении» М. М. Бахтину, возможно, имеют под собой не только благородный научный подтекст, выявляющий диалогический фон в содружестве «бахтинского круга». Отвечая на невинно-про-

вокационный вопрос И. С. Ивановой (г. Лозанна, Швейцария) относительно конкретных обстоятельств этого, Ю. П. Медведев, отчасти вынужденно — в условиях этически непростой ситуации — познакомил аудиторию с документами, свидетельствующими, что гонорары за книгу «Формальный метод в литературоведении», неоднократно переиздававшуюся за рубежом, были получены не наследниками репрессированного в 1930-х гг. исследователя, его отца, а правопреемниками М. М. Бахтина, сумевшими в свое время убедить общественное мнение в том, что основные труды П. Н. Медведева и В. Н. Волошинова принадлежат М. М. Бахтину, хотя последний, как известно, отказался подписать специальное заявление на этот счет⁵.

В числе пленарных докладов конференции прозвучали также выступления англичанина К. Брэндишта («Круг Бахтина и филологические исследования в ленинградских научных институтах: Взгляд из архивов»), русского американца В. Ляпунова («Бахтин и феноменология») и шведа П. Линелля («К диалогической лингвистике»).

В докладе Н.Перлиной, опубликовавшей не так давно в США биографию О. М. Фрейденберг, сообщалось об интересных типологических параллелях между методологией исследователя-античника и исследователя-медиевиста, носящими, по мнению докладчика, явно преемственный характер, подтверждаемый к тому же неопровержимым фактом своевременного знакомства М. М. Бахтина с диссертацией О. М. Фрейденберг⁶. Между тем по словам самого М. М. Бахтина, пересказанным В. Н. Турбиным, книга о Рабле могла увидеть свет — при благоприятных обстоятельствах — еще в 1933 г.⁷; следовательно, говорить о каком-то решающем влиянии идей автора «Поэтики сюжета и жанра» (1936) на карнавальную концепцию Бахтина, по меньшей мере, категорично. Иное дело, что до Бахтина могли доходить сведения о направленности исследования его современницы на рубеже 1920—1930-х гг.; но это уже область предположений.

Из других примечательных докладчиков и докладов отметим, в частности, выступления В. Л. Махлина («Переход от Иванова к Бахтину»), Н. И. Николаева («Происхождение

идеи Третьего возрождения и ее развитие в невеличской школе: М.М.Бахтин, Л. В. Пумпянский, М. И. Каган»), К. Хиршкопа («Бахтин, Соссюр и советская лингвистика: Что мы понимаем под «социологией языка?»»), П. Хичкока («Бахтин после теории»), К. Томсона («Психоанализ, демократия и диалогизм»), Э. Уолла («Бахтин и музыка»). Х. Сасаки («Бахтинистика в Японии за последние 15 лет»), К.-А. Фарако («Несколько философских ремарок насчет <интеллектуальной> технологии 20 века: Бахтин, Маркузе, Хайдеггер»), Т. Лайне («Назад к Бахтину 2»), И. А. Есаулова (««Место» автора в художественном целом произведения и позиция читателя»), М. Де Микиель («М. М. Бахтин: «Рубцы межей высказываний», или К философии перевода»), И. Ивановой («Институт живого слова и его роль в русской культуре 20-х годов»), В. Резник («Успех ниспровержения: Профессиональные стратегии культурной революции»).

Уже по этим штрихам можно судить о разновекторной направленности мыслительных усилий участников последнего по времени форума бахтиноведов. К сожалению, ни одного доклада на конференции не прозвучало о личности и трудах брата ученого — Н. М. Бахтина, новых биографических фактах из жизни семьи Бахтиных.

Изданная Программа конференции включала в себя и абстракты (тезисы) заявленных выступлений, хронологизацию конкретных докладов, что позволяло легко ориентироваться в выборе того, куда именно и когда стоит направиться в том или ином конкретном случае... Позже доклады, прозвучавшие в Ювяскюля, были представлены в полном объеме, по модели XI Бахтинской конференции, на специально выпущенном электронном диске⁸.

На минувшей конференции, по традиции во время заключительного банкета, решался вопрос о месте проведения следующего конгресса бахтиноведов. Некоторые из участников конференции приватно предлагали автору этих строк в качестве возможного варианта город, где М. М. Бахтин реализовал себя как вузовский педагог, заведующий кафедрой, подготовил к печати самые известные свои книги и где трудится немало исследователей биографии и творчества ученого (уверен, что

когда-нибудь Саранск должен решиться провести подобное мероприятие!). Эксплицитно фигурировали, однако, предложения встретиться через два года в Индии или Франции, но вопрос так и остался открытым. Может быть, сыграло свою роль роковое число XIII...

¹ См., например: Бахтинский сборник. — Вып. 5 / Отв. ред. и сост. В. Л. Махлин. — М., 2004; *The Bakhtin Circle: In the Master's Absence* / Ed. by C. Brandist, D. Shepherd, G. Tihanov. — Manchester; N.Y: Manchester University Press, 2004; Бахтинский вестник: Собр. соч. ученых: — В 5 т. Т. 1 / Гл. ред. В. Костин. — Орел, 2005; М. М. Бахтин в Саранске: Документы; Материалы; Исследования. Вып. II — III / Отв. ред. О.Е.Осовский. — Саранск, 2006.

² См., в частности: *Большакова А.* Бахтин в конце XX столетия (заметки о Седьмой бахтинской конференции) // ДКХ. — 1995. — № 3. — С. 134—137; *Бонецкая Н. К.* VII Бахтинская конференция // Там же. С. 138—139; *Здольников В. В.* Больше судьбы и выше века своего... (впечатления от Международной конференции в Москве) // Там же. С. 140—152; *Kennedy B.* "Our" Bakhtin versus "Your" Bakhtin: Is a Cold War Immanent? // Там же. С. 153—163 / *Кеннеди Б.* «Наш» Бахтин против «вашего» Бахтина: имманентна ли холодная война? (пер. с англ.) // Там же. С. 164—177; *Пешков И. В.* Один вопрос вокруг двух конференций // Там же. С. 178—187; *Юрченко Т. Г.* Заметки о Седьмой международной бахтинской конференции // Там же. С. 188 — 189; *Брэндист К.* Впечатления о Восьмой Международной Бахтинской конференции // Там же. — 1997. — № 4. — С. 162—165; *Thomson C.* Crisis in Calgary // Там же. С. 166—173 / *Томсон К.* Кризис в Калгари // Там же. С. 174—182 (пер. с англ.); Берлинский коллаж (IX Международная Бахтинская конференция глазами ее участников [Н. А. Паньков, К. Брэндист, Г. Тиханов] // Там же. 1999. — № 3. — С. 170—192; *Каримова З. З.* Богуслав Жилко и другие (X Международная Бахтинская конференция. Гданьск, 23—27 июля 2001 года) // Там же. 2001. — № 3. — С. 30—73; *Сасаки Х.* Заметки о

Гданьской конференции // Там же. С. 74 — 75; Тамарченко Н. Д. Всегда ли продуктивно «разноязычие»? // Там же. С. 76—80.

³ Vinte ensaios sobre Mikhail Bakhtin [20 эссе о Михаиле Бахтине]: Marília Amorim, Rosse-Marye Bernardi, Paulo Bezerra, Beth Brait, Craig Brandist, Tatiana Bubnova, Tim Herrick, Ken Hirschkop, Peter Hitchcoc, Brian Kennedy, Mika Läähteenmäki, David Shepherd, Marlene Teixeira, Galin Tihanov, Clive Thomson, N. L. Vasilev, Anthony Wall / Ed. by Carlos Alberto Faraco, Cristovão Tezza, Gilberto de Castro. — Petropolis, RJ [Бразилия]: Vozes, 2006. — 318 с.

⁴ Proceedings of the Eleventh International Bakhtin Conference: Curitiba, Parana (Brasil), July, 21 — 25, 2003 / Ed. Carlos Alberto Faraco and other. Universidade Federal do Parana, 2004. (компакт-диск)

⁵ Сюрреалистическая абсурдность сложившейся ситуации проявляется, например, в том, что в Российской государственной (!) библиотеке нельзя найти книгу В. Н. Волошинова «Марксизм и философия языка» (1929; 1930), поскольку ныне она зафиксирована там под фамилией М. М. Бахтина. О моральной ответственности за такого рода безответственные действия говорилось и в докладе Ю. П. Медведева.

⁶ См., в частности: *Осовский О. Е.* М. М. Бахтин читает Ольгу Фрейденберг: о характере и смысле маргиналий на страницах «Поэтики сюжета и жанра» // М. М. Бахтин в Саранске: документы, материалы, исследования. — Саранск, 2002. — Вып. I. — С. 24—35.

⁷ «Я спросил у Михаила Михайловича: — “А если бы... Если б книгу о Франсуа Рабле можно было издать тогда же, когда Вы написали ее... Сытин, что ли явился бы какой-нибудь и издал бы... Когда книга вышла бы в свет?” Он ответил, не задумываясь: — “В 1933 году...”» (*Турбин В. Н.* Эмиграция в МАССР // ДКХ. — 1997. — № 4. — С. 112—113).

⁸ Proceedings of the XII International Bakhtin Conference (Juväskulä, Finland, 18—22 July, 2005) / Ed. by Mika Läähteenmäki, Hannele Dufva, Sirpa Leppänen and Piia Varis [Department of Languages University of Juväskylä, Finland 2006].